Она не упоминала о том, что произошло в ту ночь. Как будто она ничего не видела.

Тем не менее, она использовала большую часть свободного времени на стажировке, чтобы найти различные учебники по оказанию первой помощи, лекарственным и растительным продуктам, а также другую подобную информацию, и усердно работала, чтобы постепенно изучить эти вещи.

Гу Пиншэн никогда не пытался скрыть от нее что-либо о своем физическом состоянии, и во время каждого ежемесячного медицинского осмотра он брал ее с собой. Поэтому она не беспокоилась, что он будет пренебрегать своим здоровьем, но готовиться к будущему все равно было необходимо.

Однажды наставница, похожая на старшую сестру, увидела, что она делает, и пришла в недоумение. "Есть ли у вас в семье кто-то тяжело больной?".

"Нет". Она свернула веб-страницу и дала произвольный ответ, чтобы отмахнуться от темы. "Всегда найдется польза от чтения подобных вещей".

" Малышка, ты такая забавная".

Старшая сестра судебного клерка погладила ее по голове и с ухмылкой удалилась.

Раньше Гу Пиншэну, кроме поездки домой, нужно было только ездить туда-сюда между офисом и университетом.

Теперь же, из-за проблем со здоровьем дедушки, у него каждый день были определенные периоды, которые он проводил в больнице. Тун Янь понимала, что сейчас не самое подходящее время для ее присутствия, и единственное, что она могла сделать, это приготовить для него питательные продукты, которые он должен был брать с собой каждый раз, когда шел в больницу.

Возможно, из-за долгого пребывания в больнице, он иногда рассказывал ей кое-что о своей бывшей стажировке в Пекине.

Он упомянул, что однажды, когда он реанимировал пациента, не было времени провести систематический медосмотр перед тем, как пациента завезли в операционную, и только на следующий день по результатам анализов выяснилось, что этот человек был болен вирусом СПИД.

Когда он рассказал ей об этом, она чистила для него вареное яйцо, и ее глаза мгновенно расширились. "Что вы можете сделать? А если бы во время хирургического вмешательства произошло заражение, что бы вы могли сделать?".

Она поднесла яйцо к его рту. Он откусил белок, но не стал есть желток. Тун Янь поджала губы, но съела желток сама, а оставшийся яичный белок положила в его простую рисовую кашу.

"Такие ситуации не редкость. Обычно мы видели несколько раз в месяц". Гу Пиншэн слабо улыбнулся, уголок его губ слегка изогнулся вверх. "В каждой профессии есть свои риски. Это неизбежно".

Тун Янь кивнула головой, затем снова кивнула, погрузившись в размышления, наблюдая за тем, как он ест рисовую кашу.

С белой фарфоровой ложкой в руке Гу Пиншэн съел две порции, прежде чем заметил ее взгляд. Подняв голову, он с улыбкой посмотрел на нее. "О чем ты думаешь? Или ты еще не до конца проснулась?"

"Я думаю, что в детстве ты, должно быть, был очень разборчивым едоком". Загадочная ухмылка коснулась лица Тун Янь. "Ты даже яичный желток не ешь".

Гу Пиншэн улыбнулся: "Я действительно был очень разборчивым едоком, когда был маленьким".

"Ты и сейчас такой".

Тун Янь добавила это предложение, а затем продолжила чистить для него еще одно вареное яйцо.

Его лицо всегда было худощавым, что подчеркивало углы его лица. Однако сейчас он выглядел слишком худым. Тун Янь перевела взгляд с его пальцев на руку и уколола его мизинцем. Он поднял глаза и встретился с ее взглядом.

"Ты похудел", - заметила Тун Янь не без ноток сожаления. "Для кормилицы и хранительницы домашнего очага это такая душераздирающая тенденция".

"Я действительно похудел?" Гу Пиншэн приподнял одну сторону губ и сделал несколько детское выражение лица. "Я хочу съесть тушеную курицу с каштанами".

Тун Янь восхищенно кивнула. "Ты будешь дома к ужину сегодня вечером? Как только я выйду из здания суда, я сразу же отправлюсь в супермаркет, чтобы купить ингредиенты".

"Я буду дома завтра вечером". Видя, что уже пора, он быстро доел остатки рисовой каши. "Я буду в больнице во второй половине дня. У дедушки очень важная консультация со специалистом, и я могу быть дома только после ужина".

Каждый раз, когда у него были утренние занятия в восемь часов, он уходил из дома немного раньше, чем она.

Но время, когда он приходил домой, также было намного позже, чем у нее.

Она не позволяла себе слишком много и глубоко задумываться над этим. Не проходило ни одного дня, чтобы она не мечтала об окончании школы, о том, чтобы начать по-настоящему работать, разделить с ним те нагрузки, которые он нес. Но она могла только терпеливо ждать.

Беспокоясь, что в супермаркете нет каштанов, она специально пошла на рынок, который находился чуть дальше, чтобы купить ингредиенты и принести их домой.

Так как она боялась смотреть, как забивают курицу, то, специально выбрав одну, она убегала в дальнее место и наблюдала издалека, пока хозяин ларька полностью не расправлялся с ней. Только тогда она снова шагнула вперед, чтобы заплатить и взять окровавленный пластиковый пакет.

"Маленькая девочка, ты боишься крови?" - весело спросил ее лавочник.

"Вообще-то я не очень боюсь крови". Тун Янь потяжелела и честно призналась: "Я особенно боюсь видеть, как убивают что-то живое, поэтому чаще всего я покупаю замороженных в супермаркете...".

"Те, что в супермаркете, никуда не годятся. Они не так хороши, как те, что были зарезаны на месте". Продавец взял пучок лука-шафрана со своего овощного прилавка и протянул ей. "Вот, это вам для успокоения нервов".

Из-за этого пучка лука Тун Янь расплылась в улыбке и, поблагодарив, взяла его.

Расположение рынка было очень странным. Автобусы не ходили, а если идти пешком, то это займет более двадцати минут. Несмотря на то, что была зима, она все же вспотела, пока шла обратно в общину.

Было уже больше шести часов, и небо уже совсем потемнело. Свет в общине уже давно зажгли, и все люди, бодро шагавшие вблизи и вдали от нее, спешили домой.

Поскольку время было еще не обеденное, она не спешила, а неторопливо шла к зданию своего дома. Однако, когда она проходила мимо зеленой зоны, которая находилась внизу здания, она увидела двух людей, стоящих недалеко от нее.

Это были Лу Бэй и Фан Юньюнь.

Движения этих двоих были большими, и в полуоткрытом подъезде здания они взаимно дергали друг друга. Когда Тун Янь увидела их, они еще не заметили ее. Все это время один из них непрерывно дергал дверь, пытаясь войти, а другой неумолимо преграждал путь, не желая вступать в прямую конфронтацию. Охранную дверь слишком долго держали открытой, и в результате она издавала пронзительный сигнал тревоги.

Это был вход в ее многоквартирный дом.

Она могла примерно догадаться, что происходит, и хотела избежать ситуации, но боялась, что Фан Юнюн действительно нападет на нее.

Пока она колебалась, Фан Юнюн наконец заметила Тун Янь, стоявшую под фонарем, и, отскочив от Лу Бэя, бросилась к ней. Ее шаги были быстрыми и напряженными, как будто она боялась, что Тун Янь попытается убежать.

Поскольку избежать этого было невозможно, она могла просто встретиться с ним лицом к лицу.

Тун Янь смотрела, как она приближается к ней, но не успела она подумать, как ей приветствовать ее, как Фан Юнюн вдруг подняла руку и со всей силы ударила ее по лицу. "Ты мне задолжала. То, что я тебе должна, я улажу с тобой..." Когда Фан Юньюн говорила, слезы уже брызнули по ее лицу.

Ее голос был страшно громким. В тихом, широком, открытом пространстве общинного комплекса он звучал особенно пронзительно.

Тун Янь замерла, и на несколько секунд ее сознание помутилось. Боль на щеке начала потихоньку проходить, но она никак не могла расслышать, что говорит Фан Юнюн.

Лу Бэй бросился к ней и схватил Фан Юнюна за запястье. "Ты что, с ума сошла? Со вчерашнего дня и до сегодняшнего ты только и делаешь, что суетишься. Ты уже закончил?!"

"Я сошла с ума. Лу Бэй, что именно тебя не устраивает? Я искренне отдал тебе все свое сердце. Чего же ты хочешь?" Фан Юньюнь отчаянно пыталась вырваться из его хватки, причитая так, словно ей было наплевать на все остальное. "Прошло уже четыре года. Что ты хочешь сделать? Развестись? Быть с ней? Отлично, я помогу тебе добиться этого. Я помогу тебе добиться всего..."

Оба изо всех сил дергали друг друга. Вдалеке многие люди остановили свои шаги, чтобы понаблюдать за происходящим, и начали строить предположения о том, что здесь может произойти.

Шум их голосов и диалогов настойчиво лез в уши.

Тун Янь ненадолго закрыла глаза, затем снова открыла их. Все эмоции, скопившиеся в ее груди за последние несколько дней, неожиданно вырвались наружу.

"Дай мне поговорить с ней". Она открыла рот, чтобы сказать это, и шагнула к ним. Глаза Лу Бэя были красными, он смотрел на нее, но пока он раздумывал, стоит ли ему отпустить Фан Юнюнь, Тун Янь уже повернулась к Фан Юнюнь, глаза которой были широко раскрыты, а лицо залито слезами.

Она никак не ожидала, что она, та, которую ударили, останется такой спокойной.

Фан Юнюнь разрывалась от ярости, она то рыдала, то смеялась над Тун Янь. "Скажи это... Я знаю, что ты хочешь многое сказать..."

Удар! Тун Янь ударил ее по лицу. "Это ты мне задолжала. Я никогда ничего тебе не был должен. Никогда не был должен в прошлом, и никогда не буду должен в будущем. Независимо от того, хочешь ты развестись или нет, не ищи меня. Ничья жизнь не так хороша, как твоя. Ты умеешь любить только мелодраматически, как будто это жизнь и смерть, и не знаешь, как тяжела жизнь на самом деле".

Когда она отдернула руку, в ней появилась легкая дрожь, которую она не могла контролировать.

Это был первый раз в ее жизни, когда она подняла руку, чтобы ударить кого-то. В тот момент, когда она опустила руку, Гу Пиншэн был единственным, кто пришел ей на ум.

В тот раз, когда он ударил ее рукой, он тоже был таким, его била дрожь, которую невозможно было подавить, и он чувствовал себя более опечаленным, чем если бы он был тем, кого ударили? ... Когда дверь в коридор закрылась, всхлипывания Фан Юнюн все еще были слышны.

В оцепенении она направилась к лестнице и поднялась на три или четыре этажа, после чего прислонилась к белой стене. Долго стояла в оцепенении, и наконец слезы начали катиться по ее лицу.

В конце концов, все ее тело лишилось сил, и она просто опустилась на ступеньки, обняв колени и позволив себе плакать от всего сердца.

Мир был просто несправедлив. Были люди, которые всю жизнь стремились к тому, чтобы жизнь и смерть вращались только вокруг любви, и им совсем не нужно было задумываться о трудностях и проблемах жизни. А были и такие, кто просил лишь о минутном кусочке тихой, спокойной жизни, но в итоге им приходилось сталкиваться со всевозможными преднамеренными трудностями, посланными Небесами. До встречи с Гу Пиншэном она всегда считала себя достойной жалости. Ее родители были для нее как долг, от которого в этой жизни она никогда не сможет освободиться.

Но после встречи с Гу Пиншэном ее сердце болело только о нем.

Он так жаждал материнской любви, но стал косвенной причиной смерти своей матери. Он так хотел стать хорошим врачом, но у него не было другого выбора, кроме как навсегда отказаться от этой мечты. В этом мире людей, имеющих с ним кровное родство, становилось все меньше и меньше, и хотя он всеми силами пытался удержать их, в конечном итоге все было тщетно...

Тун Янь протянула палец и на белоснежной стене аккуратно написала его имя.

Одним росчерком она написала "Гу Пиншэн".

Его имя было выбрано так удачно[1]. Один только взгляд на него вызывал ощущение тепла.

Положив голову на руки, Тун Янь сидела таким образом на ступеньке лестницы, наклонив голову и глядя на эти три иероглифа, и думала о нем. Ее лицо все еще пылало, как огонь. Ранее Фан Юнюн действительно был полон ненависти к ней, ведь она использовала всю свою силу. Но пощечина, которую она дала Фан Юню в ответ, не имела никакой силы. Возможно, из-за отсутствия ненависти она не смогла заставить себя нанести сильный удар.

Вдруг раздался звук мобильного телефона. На пустой лестничной клетке он был очень четким и ясным.

Она села прямо, достала телефон из кармана брюк и в темноте лестничной клетки уставилась на голубой свет экрана: Я забыла сказать, что господин Гу любит каштаны. ТК

Серьезно...

Тонг Янь разразилась хихиканьем, от которого ее опухшие от слез глаза заслезились: Хорошо. Я приготовлю для вас тушеную куриную ножку с каштанами. Целая сковорода каштанов с двумя куриными ножками внутри, как вам такое блюдо?

Звучит очень вкусно. ТК

Она взглянула на время на своем мобильном телефоне. Было уже семь часов. Если бы она до сих пор не поднялась наверх, бабушка наверняка забеспокоилась бы. Но если она вот так поднимется наверх, то, по ее мнению, бабушка будет волноваться еще больше... Пока она разминала руки, все еще сомневаясь, что делать, ее взгляд снова упал на его имя, написанное на стене.

Оставить его там было бы, в конце концов, нехорошо.

Но, протянув руку вперед и отчеркнув ногтем слово "Гу", она не отрывала взгляда от двух

оставшихся символов. Через некоторое время она наконец счистила с ногтей грязь и пыль со стены, а затем, написав его имя, сосредоточенно вывела полное предложение:

Pingsheng yi gu, zhi ci zhong nian.[2] (То, что началось с одного взгляда, отныне стало ... вместе навсегда).

[1] □ "Гу" означает "смотреть на" или "оглядываться". □□ "Пиншэн" означает "вся жизнь". Имя Гу Пиншэн можно интерпретировать как "оглядываться на всю свою жизнь".

[2]□□□□□□□□□. Эта строка была намеренно сохранена в пиньинь, поскольку она начинается с имени Гу Пиншэна. Вы также увидите, что его имя вписано в нее целиком, в первом, втором и четвертом знаках. Последние четыре иероглифа - это название романа. Это прекрасная, поэтически-чувственная строка, которая всего в восьми символах выражает чудо обретения настоящей любви. Перевод в тексте старается максимально сохранить лаконичность этой строки, но при этом передать смысл, поскольку Тун Янь пишет на стене, и многословный перевод с явным выражением чувств испортил бы момент. Однако смысл этой строки таков

"То, что началось как один из многих взглядов, которые я буду делать в жизни, стало чем-то, что я буду хранить до конца своих дней".

Или,

"Наше начало, возможно, было лишь одним из многих взглядов, которые я сделаю в жизни, но отныне мы останемся вместе до конца наших дней".

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/12100/2767972